

Хуаньси поспешно поднялась с порога, заметив краем глаза ярко-желтый подол одеяния вошедшей, и тут же с почтением склонилась:

— Ваше Величество.

Цзян Яо лениво отозвалась и распорядилась:

— Принеси таз с горячей водой и передай на кухню, чтобы приготовили что-нибудь легкое на завтрак.

Сказав это, она, даже не умывшись, сразу направилась в соседний малый кабинет, чтобы разобрать бумаги, присланные вчера из Императорского секретариата.

Хуаньси приняла приказ и вскоре внесла в комнату горячую воду. Увидев на кровати фигуру, закутанную в одеяло с золотым шитьем, она поняла, что та, должно быть, заметила вошедшего, так как человек под одеялом немедленно спрятал голову. Казалось, она не знала, как теперь смотреть в глаза подруге, с которой когда-то вместе несла службу.

Однако Хуаньси, как ни в чем не бывало, поставила таз на стол, подошла к кровати и тихо произнесла:

— Цинцзя, вставай, приводи себя в порядок. Не бойся, никто об этом не узнает. Я понимаю тебя: кто угодно мог соблазнить Ее Величество, но только не ты...

Хуа Байхэ, притворявшаяся в одеяле застенчивой:

— ...???

— Ну, спасибо тебе большое, — подумала она.

Вновь оскорбленная в своих лучших чувствах, Хуа Байхэ с безразличным видом откинула одеяло. Она больше не стала ломаться и медленно начала одеваться. Несмотря на то что она выглядела глубоко подавленной, казалось, она решила забыть о вчерашней случайности и сразу спросила Хуаньси о делах:

— Список блюд для Банкета Осенней Хризантемы уже готов? Посмотри на время и представь его на рассмотрение Ее Величеству. Дело серьезное, нужно еще спросить разрешения у вдовствующей императрицы. Напомни об этом Ее Величеству, чтобы она не дала повода для кривотолков.

Хуаньси всё запомнила. Как только она подала ей чашку с кашей, то заметила, что та остановилась на полпути, собираясь взять ложку:

— Ее Величество уже завтракала?

Поняв, что слишком слепо исполняет приказы, Хуаньси поспешила в малый кабинет пригласить Цзян Яо к столу.

В последнее время Цзян Яо была поглощена чтением донесений из региона Цзянчжэ, готовясь к проблеме с морскими пиратами на юго-востоке. Однако местные чиновники — прожженные лицемеры — в своих докладах либо справлялись о здоровье императора, либо жаловались на жизнь. Из-за того, что Великая Юн направила огромные средства на войну с племенем Елюй Ди, казна была истощена, а льготы по налогам в регионах сильно сокращены. Если не случалось катастрофических бедствий, вся страна должна была работать на нужды фронта. Поэтому губернаторы провинций всячески пытались вывести, сколько налогов и повинностей потребуется в этом году, чтобы решить, как лучше прикинуться бедными и какие налоги собирать с простого народа. Что же касается набегов морских пиратов, то об этом в докладах не было ни слова: никто не хотел признаваться в неумении управлять вверенной территорией.

Цзян Яо ломала голову, не зная, как предотвратить грядущее масштабное вторжение пиратов. Услышав призыв Хуаньси позавтракать, она поднялась и направилась в соседнюю комнату. Видя, что Хуа Байхэ стоит рядом, собираясь прислуживать, она небрежно бросила:

— Садись.

Хуа Байхэ приоткрыла рот и, опустив голову, ответила:

— Рабыне не положено сидеть за одним столом с госпожой.

Цзян Яо взяла палочки и подняла взгляд. Она видела бесстрастное лицо Хуа Байхэ, словно та вчера лишь вынужденно удовлетворила потребность своей госпожи. Если бы она действительно не питала к Цинцзя иных чувств, а видела в ней лишь объект для сиюминутной прихоти, то осталась бы довольна такой покорностью. Но... всё было иначе.

Поэтому она не спеша ответила:

— О? Но вчера ты даже в постель к госпоже забралась, почему же сегодня вспомнила о вежливости?

Хуа Байхэ замерла. Да разве она сама хотела туда лезть! Стоило вспомнить об этом, как перед глазами возникла та самая боль, словно рвущаяся ткань. Она в отчаянии позвала Систему:

— Системка-а...

Система, которая только что перестала блокировать её, отозвалась:

— ...Говори быстрее. — Иначе оно снова захочет подвергнуть цензуре свою подопечную.

Хуа Байхэ заискивающе проговорила:

— Давай договоримся: в следующих мирах, когда будешь генерировать параметры тела, можно не использовать стандарт девственности? Каждый раз чувствовать эту боль — ужасно обидно,
— заныла она.

Система помолчала, а затем с недоверием спросила:

— Ты правда думаешь, что я позволю подобному повториться?

Хуа Байхэ:

— О. Но в прошлом мире ты говорила то же самое, а в итоге... хи-хи.

Система, глубоко оскорбленная, буркнула:

— ...Ладно, увидимся в следующем мире.

Испугавшись, что её с таким трудом обретенное счастье будет разрушено, Хуа Байхэ поспешила задобрить Систему:

— Ой, ну не сердись! Видишь, я же серьезно выполняю задание, совсем не бездельничаю.

Система холодно ответила:

— Это потому, что ты хочешь и кратковременного удовольствия, и миллиард.

Хуа Байхэ с умилением вздохнула:

— ...Сын вырос, стал таким рассудительным.

Система:

— ...Проваливай.

Пока Хуа Байхэ снова доводила Систему до грани самоликвидации, Императрица внезапно положила ей в тарелку пирожное из водяного ореха и, казалось бы, невзначай сказала:

— Вкус неплохой. Помню, ты любишь сладкое, попробуй.

Хуа Байхэ посмотрела на свою ложку, в которой была каша с овощами и соленая редька, а сверху лежал кусочек сладкого пирожного. Ей совершенно не хотелось пробовать смесь сладкого, соленого, кислого и острого. Рука с ложкой замерла. Цзян Яо, всё это время наблюдавшая за ней краем глаза, мгновенно заметила это. Поняв, что её жест был не совсем уместным, она внутренне досадовала, но внешне лишь небрежно улыбнулась:

— Не нужно так удивляться. Рано или поздно ты привыкнешь к милостям, которые я тебе дарю.

Хуа Байхэ:

— ...

Что ей оставалось делать? Пришлось давиться этой смесью. Она часто задавалась вопросом, не обидела ли она чем-то Цзян Яо, иначе почему та постоянно ей мстит? Со слезами на глазах она отправила в рот пирожное вместе с кашей и редькой. В этот момент в зал вошла служанка:

— Ваше Величество, Цзин-пинь просит аудиенции.

Хуа Байхэ сделала вид, что собирается встать, с облегчением бросив ложку в чашку. Улыбка на лице Цзян Яо на мгновение исчезла, и она бросила приказ:

— Не смей вставать.

Хуа Байхэ:

— ...

Голос Шэнь Цинъюй уже раздался из-за порога:

— Ваше Величество, сегодня вдовствующая императрица пригласила меня в усадьбу развлечь её. Узнав, что вы тоже здесь, я решила зайти поздороваться. Надеюсь, я не отвлекаю вас от важных государственных дел?

Она уже собиралась переступить порог и отодвинуть занавеску. Цзян Яо, услышав её слова, усмехнулась про себя: вдовствующая императрица уже стара, сил мало, и хотя она хочет удержать власть в своих руках, её приближенные никогда не занимались чем-то подобным. Прежний император растил Лю Е до семнадцати лет, прежде чем отойти в мир иной, а вдовствующая императрица всегда была лишь дворцовой женщиной и никогда не приближалась к центру власти. А она, Цзян Яо, с детства училась у деда... искусству политики. Сейчас она делает вид, что вызвала Цзин-пинь для развлечения, а на самом деле хочет прибрать к рукам молодую, послушную девушку, чтобы использовать её как угрозу. Смешно то, что сердце Шэнь Цинъюй вовсе не принадлежит Лю Е.

Эти мысли промелькнули у неё в голове в одно мгновение, и на лице уже сияла привычная мягкая улыбка. Она даже не стала соблюдать дистанцию и сама вышла навстречу:

— О чем ты говоришь? Сестра, заходи, когда хочешь. Только я уже говорила, не нужно так беспокоиться о формальностях.

Шэнь Цинъюй, улыбаясь и опираясь на руку Чуньтао, вошла в комнату. Её взгляд сразу упал на Хуа Байхэ, тихо сидящую в углу, которая выглядела довольно необычно на фоне стоящей рядом Хуаньси. Шэнь Цинъюй на мгновение замерла и с любопытством спросила:

— Что случилось с госпожой Цинцзя?

Цзян Яо тоже скользнула взглядом в ту сторону и недовольно прищурилась. Хуа Байхэ невинно посмотрела на неё:

— Видите, я не встала со стула, я просто прикована к нему.

Затем она поправила пояс и сказала Шэнь Цинъюй:

— Приветствую госпожу Цзин-пинь. Рабыня вчера по неосторожности потянула спину, а Её Величество проявила милость и разрешила не прислуживать за едой, да еще и позволила сидеть.

Хуаньси, зная правду, поспешно опустила голову, боясь, что выражение её лица выдаст её. Шэнь Цинъюй ничего не заподозрила и повернулась к Императрице:

— В прошлый раз я случайно упала в воду и поцарапала ладонь. Лекарство, которое мне прописал врач, очень помогло. У меня оно всё равно без дела лежит, так что я велю Чуньтао принести его. Пусть госпожа Цзинцзя поскорее поправится, чтобы вам было удобнее.

Взгляд Цзян Яо медленно переместился на Хуа Байхэ. Та так испугалась, что у неё мгновенно перестала болеть спина и ноги, и она вскочила:

— Не стоит беспокоить госпожу Цзин-пинь! Рабыне достаточно просто отдохнуть, посмотрите, мне уже гораздо лучше.

В глазах Шэнь Цинъюй на мгновение мелькнула грусть, она кивнула и перевела разговор на другие темы, обсуждая дела гарема. Поскольку приближалось время пробуждения вдовствующей императрицы, она вскоре попрощалась, оставив Императрице виноград из своей усадьбы.

Как только её фигура скрылась за дверью, Цзян Яо сухо приказала:

— Хуаньси, выйди.

Хуаньси бросила на Хуа Байхэ полный сочувствия взгляд и вышла... даже плотно прикрыв за собой дверь.

Хуа Байхэ:

— ...Ты всё правильно поняла.

Возможно, Императрица и не собиралась заниматься этим днем, но раз дверь закрыта, она наверняка решила, что было бы упущением этого не сделать. Цзян Яо вернулась к столу, сорвала с грозди сочную виноградину и, заметив, что Хуа Байхэ пытается вжаться в угол, нежно улыбнулась:

— Что такое? Я для тебя как змея или скорпион, что ты так прячешься?

Хуа Байхэ тут же приползла обратно и, набравшись храбрости, встала рядом:

— Ваше Величество, рабыня не хочет, чтобы госпожа Цзин-пинь неправильно вас поняла.

Цзян Яо приподняла бровь:

— По-моему, ты боишься, что она поймет неправильно тебя?

Хуа Байхэ:

— Ваше Величество, умоляю, рабыня...

Цзян Яо взмахнула рукой и отправила виноградину ей в рот, прервав её глупые оправдания.

— Вкусно? — глядя, как та проглотила ягоду вместе с кожицей и косточкой, Цзян Яо уставилась на её губы, испачканные соком.

Хуа Байхэ, не понимая к чему вопрос, кивнула и почтительно ответила:

— Виноград от госпожи Цзин-пинь очень сладкий, Ваше Величество может попробовать.

Взгляд Цзян Яо потемнел, она встала:

— Правда? Раз нравится, съешь побольше. Ведь я уже приготовила лекарство для твоей спины. Если его не использовать, будет пустая трата, не так ли?

Хуа Байхэ сделала испуганный вид, но, не удовлетворив свою страсть к игре, громко закричала Системе:

— Выпусти меня! Это не тот автобус, на котором можно ехать в детский сад!

Система устало отозвалось:

— ...Разве не ты сама приварила дверь этого автобуса?

Оно размышляло о своих критериях выбора подопечных. Если бы у него был шанс начать всё сначала, оно бы в день выпуска предпочло вернуться на производственную линию — и больше никогда не видеть Хуа Байхэ.

В реальности же Цзян Яо не дала Хуа Байхэ шанса сбежать и тут же потащила её к кровати, где они отдыхали прошлой ночью.

...

Шэнь Цинъюй гостила в усадьбе у вдовствующей императрицы неделю, и всё это время Хуа Байхэ не выходила из покоев Цзян Яо. Иногда она даже не виделась с Шэнь Цинъюй, а Цзян Яо, возвращаясь от вдовствующей императрицы, каждый раз была не в духе и срывала злость на ней. Хуа Байхэ не знала, что за эту неделю борьба за власть между Императрицей и вдовствующей императрицей дошла до решающего этапа.

Вдовствующая императрица была разочарована в Цзин-пинь, у которой не было ни капли желания бороться за внимание императора, и не понимала, как возник столь прочный союз между ней и Императрицей. В тот день, когда она окончательно утратила контроль над ситуацией, она тяжело заболела, и Цзян Яо под предлогом ухода за больной пришла её навестить. Хуа Байхэ подумала, что после этого визита вдовствующая императрица наверняка заболеет еще сильнее.

— Ты довольна нынешним положением? — спросила Система у неё в голове.

Хуа Байхэ притворно вздохнула:

— Ты же видишь, в какой я ситуации. Цзян Яо не дает мне работать, она целыми днями занята тем, что «работает» меня. Император за тысячи ли, и хотя я хотела бы их помирить, от него не приходит ни одного письма, у меня даже нет шанса помочь ему напомнить о себе.

Говоря так, в душе она была на седьмом небе от счастья. Поскольку в этом мире практикуется многоженство, Система не наделила Хуа Байхэ такой красотой, как в прошлом мире, опасаясь, что она привлечет внимание императора и станет главной соперницей императрицы. Кто бы мог подумать, что, крутясь и вертясь, Хуа Байхэ всё равно не избежит участи разрушительницы канонической пары. Но это было неважно. Важно было другое:

— Ты знаешь, почему император не прислал второго письма?

Хуа Байхэ честно призналась:

— Нет.

У неё не было доступа к документам, и она не знала никого из Секретариата.

Система холодно усмехнулась:

— Ха, потому что император скоро умрет.

С того момента, как Цзян Яо начала проявлять интерес к Хуа Байхэ, Система подало отчет и запросило разрешение на отслеживание сюжетной линии. Результат оказался шокирующим.

— Письмо, которое Цзян Чжэньхай прислал ранее, было зашифровано. На самом деле там говорилось, что главные силы армии преследовали племя Елюй Ди, но попали в ловушку. Лю Е, находившийся в тылу, был окружен четырнадцатью племенами Дижун. Император получил стрелу в левое плечо, яд не имеет противоядия, жить ему осталось недолго.

Хуа Байхэ:

— ...!!!

Она тут же села на кровати, дернув запястьями, привязанными красными лентами, отчего те пронзительно заныли, но ей было не до того. Она была в шоке:

— И... и что будет, если этот «большой свин» умрет?

Система бесстрастно уведомило:

— Задание будет провалено, тебя принудительно извлекут из этого мира. В зависимости от итоговой оценки, будет решено, продолжишь ли ты выполнение миссий или контракт будет расторгнут.

Если контракт расторгнут, Хуа Байхэ не получит ни гроша. Она словно увидела, как миллиард, летевший к ней, внезапно разворачивается и улетаёт прочь.

— Что же мне делать? Я могу спасти императора?

Система обрадовалось, что она ещё поддается исправлению. Теперь ему не придется больше смотреть «одиночное кино» на грани цензуры.

— Я проанализировал состав яда, процесс приготовления противоядия я сейчас отправлю тебе. Скачай его. Мы направляемся туда, я уже проложил маршрут, мы успеем.

Хуа Байхэ:

— ...Ты всё подготовил заранее.

Она так и знала, что Система не выносит её ежедневных утех. Оказалось, оно терпело столько дней, чтобы подловить её здесь.

...

Тем же вечером.

Цзян Яо получила секретное донесение от Цзян Чжэньхай. Предыдущее письмо было зашифровано, и на первый взгляд казалось, что там лишь военные мелочи, но на самом деле там было сказано: «Всё готово».

Согласно плану, Лю Е должен был увязнуть в войне на северо-западе, после чего его нужно было ранить, чтобы под предлогом ухода за ним и временного исполнения дворцовых обязанностей она могла выехать из столицы и перехватить власть. Цзян Яо знала, что её цели слишком амбициозны, поэтому не спешила: сначала тыл, потом всё остальное. Она не планировала убивать Лю Е на поле боя.

Всё произошло слишком быстро. Цзян Чжэньхай писал: «Несчастный случай, отравленная стрела, срочно приезжай». Похоже, яд был медленного действия, иначе его заметили бы

раньше. Если Цзян Яо не поспеет, трон может ускользнуть из её рук — страна останется без правителя, и начнется хаос.

Цзян Яо сжала письмо и поднесла его к пламени свечи. Глядя, как бумага медленно превращается в пепел, она долго сидела в кресле, погруженная в раздумья.

В боковых покоях.

— А-а-а, больно! — Хуа Байхэ, обливаясь потом, пыталась дотянуться ногой до чего-то снаружи. Ей хотелось быть котом, чтобы растягиваться до бесконечности. И тут её нога, не оправдав надежд, свело судорогой.

Она завывала, притянув ногу обратно, и начала жалобно дуть на неё, сидя на краю кровати. Судорога была такой сильной, что пальцы сводило от боли. Система невозмутимо подсказало:

— Еще два часа мучений — и снова сможешь наслаждаться. Ты что, решила показать мне, как нужно «жить одним днем»?

Хуа Байхэ:

— Я поняла, ну хватит ворчать!

Она глубоко вздохнула. Поскольку руки были привязаны к спинке кровати, ей оставалось использовать только ноги, чтобы дотянуться до золотой заколки на туалетном столике. Это была заколка с цветами сливы, которую Императрица оставила утром. Тонкая золотая филигрань — единственная «отмычка», способная освободить её руки.

Большим и вторым пальцем ноги она долго пыталась ухватить тонкую заколку. После невероятных усилий ей это удалось, и она, облегченно вздохнув, попыталась медленно дотянуть её до кровати. Заколка оторвалась от стола, повисла в воздухе, и в следующую секунду — дзинь! Она безжалостно упала на пол.

Хуа Байхэ:

— ...

Система помолчало несколько секунд и произнесло:

— Я поставлю тебе подходящую музыку.

Хуа Байхэ подумала, что оно хочет подбодрить её каким-нибудь энергичным маршем, но в следующее мгновение зазвучало:

— «Холод небес, тоска по тебе разливается рекой, превращаясь в весеннюю грязь, что бережет меня...»

Хуа Байхэ:

— ...

Самое страшное, что пока музыка еще играла, Императрица Цзян Яо медленно вошла из кабинета в такт этой песне.

Хуа Байхэ:

— ...Кажется, моё будущее стало предельно ясным.

Она тут же сбросила одеяло с кровати, прикрыв им заолку. Когда Цзян Яо подошла ближе и увидела сброшенное одеяло, она нахмурилась:

— Ты сегодня осмелела, еще и характер мне показываешь.

Она наклонилась, чтобы поднять одеяло. Хуа Байхэ, чьи руки были привязаны красными лентами к спинке кровати, с грохотом рухнула на колени — от силы удара ей показалось, что она слышит хруст собственных чашечек.

— Ваше Величество, рабыня больше не может так продолжаться! Даже если императора сейчас нет, если другие в гареме узнают об этом, ваше величие будет уничтожено навсегда!

<http://bllate.org/book/22171/2309622>